

Газета «Звезда», Открытое акционерное общество «Демброво» жилищно-коммунального хозяйства представляют цикл

СТОЛЕТИЕ

За последние сто лет в жизни человечества произошло столько событий, сколько не произошло за все предыдущие столетия. Въехав в XX век на лошадях, используемых как средство передвижения, человечество вошло в новое тысячелетие на сверхзвуковых самолетах. Научно-технический прогресс достиг такой стадии, что люди стали сомневаться в силе собственного интеллекта, отдавая предпочтение новой технике. Развитие электричества и появление радио, а в конце века и интернета, в корне изменило все представления о мире — пространственное ощущение всего ритма человеческой жизни незаметно для всех и каждого приобрел временной диапазон. События в любой точке мира стали доступны для людей в режиме реального времени.

По глубине, мощи, трагичности и своим последствиям узловой точкой мировых событий в XX веке стала Россия, точнее, не географическое пространство, которое в свое время именовалось Российской империей, затем Советским Союзом, а после распада СССР постсоветским пространством. Новый век и новое тысячелетие со всей очевидностью для сегодняшнего указывают на то, что и в XXI веке основные события будут развиваться именно здесь. Второе тысячелетие XXI века — время столетних юбилеев, кульминационной точкой которых стал нынешний год — год столетия двух русских революций — Февральской и Октябрьской, по сути определивших судьбу не только Российской империи но и всего мира. Об этом мы решили поговорить с председателем Постоянной комиссии по образованию, культуре и науке Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь Игорем МАРЗАЛЮКОМ.

— Игорь Александрович, в XX веке Россия прошла через четыре революции, гражданскую войну, две мировые войны. Какое из этих событий, на Ваш взгляд, стоит на первом месте?

— Безусловно, это Великая Октябрьская социалистическая революция. По глубине, накалу и масштабности последствий она стоит на первом месте. Заметьте, что в отличие от Великой французской революции она не носит национального характера. Октябрьская революция в корне изменила представления о мире для всех и каждого. То, что сегодня называется европейскими ценностями, — это последствия Октября 1917 года. Всеобщее избирательное право, восьмичасовой рабочий день, социальные гарантии для людей и многое другое. В Европе это называется завоеваниями европейской социал-демократии, но, по сути, это уроки Великого Октября, который определил не только новый мировой порядок, но и порядок взаимоотношений в обществе, дал ориентиры допустимого и возможного для властных элит, те рамки, которые определяют стабильность существования для любого государства.

— Наш с Вами разговор посвящен юбилею двух русских революций. Поэтому мы будем говорить о тех событиях, которые происходили на пространстве нашей некогда общей страны. По сути, это будет разговор о прошлом, не совсем далеко, но так до конца и не понятно. В XX веке у нас было семь руководителей страны: Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко и Горбачев. Почему до наших дней дошли только те памятные места, которые связаны с именем Ленина — улицы, проспекты, памятники? Все памятные места, связанные с его преемниками, через очень короткий промежуток времени были переименованы с подачи их преемников и практически сегодня никем не упоминаются?

— Если смотреть правде в глаза, то и с Владимиром Ильичем Ульяновым-Лениным не все так просто. Разрушения памятников и памятных мест, связанных с ним, не было, пожалуй, только у нас в Беларуси и в Финляндии. «Ленинопад» в последнее время стал знакомым событием для многих стран постсовет-

ского пространства и неизменным атрибутом во внутрениполитической борьбе.

По этому поводу у Александра Твардовского есть замечательные строки: «Все, что на свете создано руками, рукам под силу обратить на слом. Но дело в том, что сам собою камень — он не бывает ни добром, ни злом».

— Сегодня о Сталине пишут снимают и говорят очень много, а про Ленина практически ничего. А если ленинская тема и поднимается, то на очень поверхностном и примитивном уровне. Почему?

— Все очень просто. Ленин — политик номер один в XX веке. Его величие, фундаментальность и масштаб имеют наднациональный характер. Заметьте, что Ленин пришел в политику и возглавил российское государство не традиционным путем — не из элиты и не из контрэлиты своего времени. Его призвало само время и общество, в котором он жил. Никогда и ни у кого не будет единой оценки личности. Ленин создал государство — Союз Советских Социалистических Республик, аналогов которому не было и, наверное, не будет во всем мире. Ленинский политический проект как венец его политического творчества, который на три четверти века стал нашей общей родиной — СССР, — это проект отчаянного модернистского прорыва и чудовищной архаики и несвободы в XX веке на одной шестой части суши мира. Для многих малых народов ленинский модернистский проект стал единственной возможностью создания собственной национальной культуры — письменности, языка, истории. Это была настоящая культурная революция сверху. Была создана новая идентичность — советский человек, кто бы и что бы по этому поводу ни говорил. Не принято было гордиться своей нацией и конфессиональной принадлежностью. Существовала дружба народов и уважение к самобытности других. Но советская идеология никогда не была монолитной, она менялась с течением времени, и это изменение было связано с тем, что постоянно шло противоборство традиции и модерна. Публично ленинское наследие, прежде всего в области национальной политики и федеративного устройства, сомнению не подвергалось. Но по факту политической практики Советский Союз медленно и уверенно принимал формы унитарного государства, где все решения

принимались в центре. В конце концов, это привело к тому, что произошло в 1991 году.

Наша оценка деятельности Владимира Ленина имеет одну особенность. В советское время его было не просто много, а очень много, везде и во всем, начиная с денег. Но вот в чем парадокс, попытка создания культа личности не удалась. Этот парадокс имеет свою внутреннюю и внешнюю природу для всех и каждого. Культ личности возможен только при наличии внутреннего страха у каждого из нас. А с ленинским культом этого не получилось. Страх не было, но было внутреннее уважение к этому человеку. Я часто ловлю себя на мысли, что европейские политики, решая те или иные проблемы Европейского союза, ищут то, что давно уже найдено. Точнее, написано сто лет назад Владимиром Лениным в его работе о Соединенных Штатах Европы. Ленина перестали читать, и очень напрасно.

Поймите правильно, я не выступаю апологетом Владимира Ленина и партии большевиков. Катастрофической и роковой ошибкой лично Ленина и партии большевиков, вытекающей из их ницшеанского мировоззрения, стал откровенный погром Русской православной церкви. В крестьянской неграмотной России православная церковь была источником традиционной национальной культуры, источником всего и вся. Но этот общественный институт в широком смысле слова, с которым нужно было находить общий язык и договариваться, был непонятен и опасен для большевиков. Они попросту боялись авторитета церкви среди населения. Об этом не принято публично говорить, но европейская цивилизация должна быть благодарна Русской православной церкви за то, что она спасла ее от нашествия монголо-татар. Она их не победила, а растворила в себе. Русская православная церковь в многонациональной России в силу своей демократичности всегда служила объединяющим началом. В исторической литературе вы не найдете ни одного факта православного крестового похода. Я говорю об этом с полным пониманием деликатности конфессиональных вопросов.

«Для многих малых народов ленинский модернистский проект стал единственной возможностью создания собственной национальной культуры — письменности, языка, истории».

— В чем причина того, что именно территория бывшей Российской империи стала бурлящим котлом в XX веке?

— В экономике есть такое понятие «кассовый разрыв», когда для нормального функционирования экономики не хватает определенной суммы денег. Догоняющий тип развития характерен тем, что в обществе одновременно идет трансформация и модернизация, а недостающей суммой денег является общественное понимание и поддержка проводимых реформ. Но при таких масштабных изменениях всегда возникают диспропорции. Одним кажется, что реформы идут крайне медленно, другим — что слишком быстро. Общественное нетерпение и неприятие реформ принимает жесткие формы. Это произошло с реформами Александра II. Они породили новый социальный слой собственников, которые имели собственность, но не имели политического представительства. Те же, кто власть имел, по сути, разорились, могли существовать только за счет государственного жалования. Изменения такого масштаба всегда встречают сопротивление, и рвануть традицию неизбежно. Консервация ситуации при Александре III была неизбежной. Но она только усугубила положение дел, экономическое развитие вошло в неразрешимое противоречие с политической надстройкой, и на рубеже веков о революции говорили все. Знали, что она неизбежна, но когда все произойдет, не знал никто. Определяющими в подобных ситуациях являются внешние факторы и прежде всего крупные военные конфликты. Катализатором первой русской революции 1905 года стала русско-японская война. Ценой невероятных усилий властям удалось купировать ситуацию половинчатыми и крайне непоследовательными мерами. Казалось, что все обошлось, но это было ненадолго.

Реформы Петра Столыпина, кто бы и что бы ни говорил, с его попыткой разрушения крестьян-

ской общины создали мощное социальное напряжение в крестьянской среде. Из общины выходили неохотно, а те, кто выходил, становились объектом зависти, их хозяйства сжигались и разорялись, и факты были не единичными.

В политической области на посту министра внутренних дел Столыпин был также не совсем последовательным. «Столыпинские галстуки» не просто так стали нарицательным названием, и не суть важно, сколько в то время было повешено за революционную деятельность, здесь арифметика неуместна. Важно другое: нельзя одной рукой вешать, а другой проводить реформы. Не получится, ни у кого еще не получилось.

Столыпин, пробывший годенским губернатором всего один год, так и не сумел решить двух главных политических проблем, которые он с полной ответственностью понял в Гродно. Эта проблема представительства национальных меньшинств в органах власти, реальных собственников земли, лишенных представительства, и проблема черты оседлости. Для еврейской молодежи революционное движение стало актом национального освобождения от движения. По уровню образования, воспитанию и культуре, по своей сути, это была передовая часть общества. Но черта оседлости означала полное закрытие социального лифта. А в начале XX века еврейская молодежь из Беларуси перебиралась ближе к черноморским портам и эмигрировала в Америку. Оставшиеся вливались в революционное движение. Роковой политической ошибкой Петра Столыпина была попытка контроля над террористическими организациями. Кто бы и что ни говорил, но это факт исторический, всем известна речь Столыпина в Государственной думе в защиту Евно Азефа. Управляемого террора не бывает. Великий российский государственный деятель погиб от рук тех, с кем боролся, но кого так тщательно опекал.

— Означает ли все, сказанное Вами, что практика большевиков в первые революционные годы, точнее сказать «красный террор», была оправданной и необходимой?

— Нет, конечно. Ни красный, ни белый террор оправдать нельзя. Да и не нуждаются участники тех далеких событий в нашем оправдании. Это нужно нам, мы можем многое не принимать, но понять обязаны. Любая революция — это время невиданной вертикальной мобильности, которая выбрасывает вверх очень многих, но в истории остаются единицы. Вольтер писал: «Плодом гражданских войн в Риме было установление рабства, плодом английских мятежей в Англии — свобода». Революция принесла в Россию свободу, а последовавшая за ней Гражданская война породила невиданный по масштабу террор в собственной стране.

Ленин и его соратники принимали решения в логике гражданской войны. В гражданской войне не бывает героев, как не бывает и победителей. С большой буквы мы пишем слово «Гражданская» в знак памяти ко всем ее участникам, ибо все они свои, наши. По разрушительности последствий для общества с гражданским противостоянием не может сравниться ничто. Верх в нем берет тот, кто проявит абсолютную монолитность и будет более жестоким, нежели его противники. Гражданская война не имеет точной даты начала, но ее разрушительные последствия растягиваются не на одно поколение.

— Нынешний год знаменателен, кроме столетних юбилеев, и другой трагической датой — восьмидесятилетием массовых восточных репрессий. В чем состояла, на Ваш взгляд, истинная причина того, что произошло в СССР?

— Это отголоски, и совсем недалекие, Гражданской войны. Гражданская война разрушила не только промышленность, но и само общество, породила невиданную подозрительность и недоверие друг к другу. По своей сути, она уничтожила государственность как форму организации людей. Внешние факторы в то время оказались определяющими. Восстановлению страны препятствовало «золотое эмбарго» со стороны Запада, когда оборудование и машины на Западе можно было купить только в обмен на хлеб. Это и определило, по своей сути, уничтожение деревни и породило невиданный голод в начале 30-х годов.

Сталин пришел к власти в результате отчаянной внутрипартийной борьбы. Это была не просто борьба за власть, но и за физическое выживание для каждого, кто претендовал на первые роли. Стараниями Льва Троцкого Совет-